

ДЕКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

Миф о «доброй империи». Россия и Центральная Азия: от царизма и большевиков до наших дней

Сара ЭШКРОФТ

4 часа(-ов) назад

 Сделать приоритетным в Google

Коллаж

В этом году все страны, входившие в Союз Советских Социалистических Республик, отмечают 35-летие независимости. В беседе с Азаттык Азия казахстанская исследовательница Ботакоз Касымбекова, профессор Цюрихского университета, предлагает взглянуть на советскую историю, в том числе в Центральной Азии, как на историю колониализма. Она рассуждает о том, почему Россия до сих пор представляет себя не империей, а освободителем, как этот миф

влияет на Центральную Азию и изменила ли война в Украине отношение к Москве и советскому прошлому.

31 августа Кыргызстан будет отмечать годовщину независимости. 1 сентября — Узбекистан. В Таджикистане эта дата отмечается 9 сентября, в Туркменистане — 27-го. В Казахстане праздник отмечают 16 декабря.

Все эти страны существуют как суверенные государства уже три с половиной десятилетия. Но насколько далеко они ушли от советского прошлого?

Казахстанская исследовательница **Ботакоз Касымбекова** , профессор Цюрихского университета, предлагает взглянуть на советскую историю региона как на историю колониализма — лишения земель, Голода, ядерных испытаний, экономической зависимости и контроля над памятью.

Почему Россия до сих пор представляет себя не империей, а освободителем? Как этот миф влияет на Центральную Азию сегодня? Изменила ли война в Украине отношение к Москве и советскому прошлому и что значит быть независимым — не только политически, но и от чужого взгляда на собственную историю?

Постколониальность и деколониальность

Азаттык Азия: Россия долгое время изображала себя скорее освободителем, чем империей. Но насколько этот нарратив выдерживает сопоставление с историей советского правления в Центральной Азии?

Ботакос Касымбекова: Существует российский миф — это государствообразующий миф — о том, что Россия не вторгалась в страны, а они сами добровольно хотели стать частью России. Он восходит к XVI веку и использовался применительно к Центральной Азии и многим другим регионам, которые Россия колонизировала.

Но очень важно понимать, что Россия вторглась в Центральную Азию, применяя огромное количество насилия, подобно тому, как другие европейские колониальные империи вторгались в свои колонии — с оружием.

Это колониальное завоевание было насильственным, а российская политика в отношении Центральной Азии также основывалась на дискриминации. И советский период был одним из самых жестоких периодов российского колониализма.

Ботакос Касымбекова, профессор Цюрихского университета

Российские поселенцы забирали лучшие земли, имевшие доступ к воде. Например, в районе Иссык-Куля. Российские поселенцы получали плодородные земли, тогда как кыргызов отправляли в места, где заниматься сельским хозяйством или вообще обеспечивать себе какое-либо устойчивое существование было очень трудно.

Центральноазиатские народы потеряли свою землю. По сути, потеряли доступ к средствам для существования.

Особенно в казахской степи: те, у кого есть доступ к воде, имеют доступ ко всей территории, к суверенитету. Они могут быть независимыми. Это в советское время отняли, в период коллективизации, которая сопровождалась кампаниями по реквизиции ради развития Москвы и Ленинграда, сегодняшнего Санкт-Петербурга.

И если раньше отчуждались лучшие земли, то в советское время отчуждался скот, вся собственность — под лозунгом коммунизма.

Около 40 процентов казахов умерли в первые годы коллективизации, 10 процентов эмигрировали. Мы имеем сокращение населения на 50 процентов. В результате казахи, в первой половине советского периода составлявшие от 28 до 32 процентов населения, стали меньшинством в казахской степи.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Они считают, что казахи должны быть благодарны за “великую цивилизацию”». С немецким историком — об Ашаршылыке

Это экстремальное лишение собственности, крайнее насилие, смерть и Голод были вполне сознательной политикой. Москва точно знала, что происходит, и ее это устраивало.

Узбекистан был превращен в хлопковую плантацию. Пестицид **Agent Orange** , использовался как биологическое оружие во время войны во Вьетнаме. Москва использовала [что-то похожее] в Центральной Азии для выращивания хлопка. Это нанесло ущерб здоровью населения на многие поколения вперед.

Есть немецкий историк **Юлия Обертрайс** . Она доказала, что вода, которую пили этнические узбеки, была загрязнена, тогда как русское население в городах пило другую воду.

То есть сегрегация существовала даже на уровне воды. Это были крайне жесткие колониальные условия, поскольку города были своего рода центрами поселенческого колониализма. А местное коренное население не имело доступа к этому жизненному пространству, к привилегиям, лучшим территориям. И людей сдерживали — посредством различных очень строгих ограничений на передвижение.

Такие сегрегационные отношения жестко контролировались военными методами. Например, кыргызский историк **Аминат Чокобаева** ⁱ показала, что пять процентов российских поселенцев имели доступ к 95 процентам всего объема кредитных ресурсов советских банков в Кыргызстане. А все кыргызское население имело доступ лишь к пяти процентам. Поэтому дискриминация, если просто посмотреть на статистику и цифры, была чудовищной.

Более 90 процентов всех советских ядерных ракет **испытывали** ⁱ на территории Казахстана, в регионах, где жили этнические казахи.

И эти люди, во-первых, ничего не знали: их не уведомляли о том, что проводятся ядерные испытания; кроме того, московские врачи наблюдали за ними как за лабораторными кроликами, чтобы увидеть, как ядерные испытания воздействуют на организм, и им не позволяли лечиться, знать, что происходит, и получать какую-либо медицинскую помощь. Поэтому мы имеем высокий уровень самоубийств, зараженную землю, и многие поколения людей будут страдать от последствий этого опыта.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Цена, которую платили люди, никого не волновала». С Тогжан Касеновой — о Семипалатинском полигоне и «мирном атоме»

Обо всем этом Россия или российское общество никогда не говорят — об этом грубом, насильственном, репрессивном, колониальном угнетении людей. Я лишь дала вам небольшое представление о колониальной истории Центральной Азии. Но люди знают ее, потому что это была их жизнь. Нельзя просто стереть эту историю, потому что люди сталкиваются со всеми этими последствиями до сегодняшнего дня.

Поколения жителей Центральной Азии будут сталкиваться с колониальным наследием, даже если они этого не хотят. Даже если они хотят слушать российскую пропаганду, их тела будут говорить им нечто иное.

Это классическое постколониальное состояние — когда колонизированные стирают свою память. Великий кыргызский писатель Чингиз Айтматов писал об этом. У него есть **миф о манкурте** ⁱ — человеку, который теряет память и любит колонизатора. Наиболее успешный колониальный проект — это когда грязную

работу колониализма выполняют сами колонизированные, фактически перенимают колониальный нарратив.

И тот факт, что сегодня в Центральной Азии по-прежнему есть много людей, которые продолжают принимать этот нарратив, — это не признак неразрешенной истории.

Это признак полуколониального имперского состояния, в котором они находятся. Колониализм имеет очень сильное и долговременное наследие. Преодолеть его очень трудно. Существует преемственность. Именно поэтому это называется постколониализмом, хотя формально колониализм закончился.

В этом различие между постколониальностью и деколониальностью. Постколониальное состояние — это когда мы пытаемся узнать о колониальном прошлом, а также рассматриваем его последствия.

Деколониальный подход пытается исправить ситуацию, объяснить: как мы можем выйти из этой ситуации? Как мы можем положить конец постколониальному состоянию? Что для этого необходимо? И это очень, очень долгий путь. Мы по-прежнему находимся в постколониальной реальности.

| «Мы против угнетения и неравенства»

Азаттык Азия: Как Россия создала это представление о себе как об освободительной силе и каким образом современная российская военная пропаганда опирается на советские и досоветские имперские идеи?

Ботакоз Касымбекова: Частью коммунистической идеи было освобождение мира от колониализма и империализма. Большевики считали, что если они ликвидируют частную собственность и введут всеобщую трудовую повинность, то не будет ни буржуазии и пролетариата, ни эксплуатирующей нации и эксплуатируемых наций.

Они считали: если мы установим коммунизм, решим все проблемы. Однако существовала одна небольшая проблема — большевики, находившиеся в Москве, считали, что имеют право навязать эту идею всем остальным.

Однако, например, такие нации, как украинцы или грузины, имели собственные социалистические программы. У них были похожие идеи, но они хотели осуществлять их в пределах своих национальных территорий — из-за опыта российского колониализма при царизме, до того, как большевики пришли к власти.

Здесь важно понимать, что такое империализм и колониализм.

Колониализм — это когда вы устраняете суверенитет страны и устанавливаете собственные институты управления и законы. То есть метрополия навязывает свои административные структуры. Она привозит своих людей — представителей на местах, губернаторов или иных людей; в советское время это были коммунисты, которых присылали из Москвы, — и, кроме того, вы приносите свои законы. То есть устанавливается иностранное правление.

Империализм отличается тем, что вы пытаетесь влиять на страну: на повестку, политику, международные отношения, но не навязываете собственные правила, структуры, законы. Вы не привозите людей, которые на местах представляют ваши идеи и проводят вашу политику.

То, что сделали большевики, — это не просто попытка влиять, например, на Украину, Азербайджан, Армению, Беларусь и все эти новые нации, которые провозгласили независимость после распада Российской царской империи. Они фактически принесли туда коммунизм, ликвидировали суверенитет этих стран. Они привезли туда своих людей, свои законы. Это была колониальная империя.

И эта идея использовалась для приобретения союзников по всему миру, на **Глобальном Юге** . Они использовали риторику о том, что колониальными являются только европейские империи и только капитализм, «а мы боремся с колониализмом». Разумеется, многих людей привлекала эта идея, потому что она базовая и общечеловеческая: мы против угнетения, мы против неравенства.

Исторически, конечно, существует реальность западного, европейского колониализма, но Россия скрывает, что она была частью этой европейской колониальной истории, потому что и российский царский колониализм, и советский колониализм были такими же «выкачивающими», расистскими, цивилизаторскими.

И эта история в значительной степени институционализована: существовали брошюры о том, «как мы работаем», «как мы вербуем людей». Весь этот механизм, все эти навыки — шпионская сеть, пропагандистская сеть — все это было разработано в советское время. И поскольку ноу-хау, институциональная память существуют, современная Россия по-прежнему использует все это сегодня.

| Центральная Азия и война в Украине

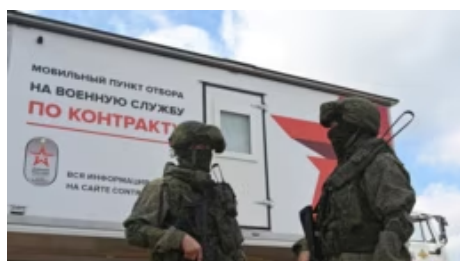
Азаттык Азия: Эти имперские и колониальные структуры, которые мы видим в истории, как вы упомянули, по-прежнему используются путинским режимом

сегодня, и, как мне кажется, война в Украине вызвала переоценку советской военной мифологии и имперской идеологии, особенно в Европе. Но как вы думаете, происходит ли это также в Центральной Азии?

Ботакоз Касымбекова: Конечно. Москва воспринимает Центральную Азию как свой задний двор и считает, что имеет право диктовать ей внешнюю политику и определять ее лояльность.

На самом базовом уровне Москва по-прежнему следит за исследовательским полем и ориентируется в нем: что люди в Центральной Азии, особенно ученые, говорят о России, о Советском Союзе, как в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане интерпретируют советское прошлое. И каждый раз, когда проявляется деколониальный подход, когда возникает критика советского режима, Москва воспринимает это лично, начинает скандал.

То есть даже на уровне того, что общества Центральной Азии могут думать о собственном прошлом, собственном опыте, Москва по-прежнему считает, что может привести к единому знаменателю это поле интерпретации центральноазиатского опыта взаимодействия с советской, с российской властью. Это остро присутствует на разных уровнях — экономическое, политическое давление, и даже на уровне памяти — она хочет контролировать память людей.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Хищнический рекрутинг»: как Россия отправляет выходцев из Центральной Азии воевать в Украину

Азаттык Азия: В своих работах, говоря о российской имперской мифологии, вы использовали термин «имперская невинность». Что именно он означает и как он применим к Центральной Азии?

Ботакоз Касымбекова: Это нарратив, который российское государство и общество рассказывают себе о самих себе. Они считают, что Россия не была и не является империей, а если и является, то это позитивная империя — нечто, что принесло цивилизацию и развитие, а не насилие, неравенство, репрессии и подавление культур и наций.

Это представление о том, что наша проблема не является имперской и колониальной; даже если посмотреть на либеральные элиты или интеллектуалов,

существует представление о том, что наша проблема — авторитаризм, но не колониализм.

Это — игнорирование колониальной политики и колониальных отношений с Чеченской Республикой Ичкерия, Татарстаном, Бурятией, Саха. «Мы не империя, мы просто российское государство». И неспособность критически посмотреть на самих себя структурирует отношение к и взаимоотношения с соседями, включая Центральную Азию, а также Беларусь и страны Балтии, Кавказ.

То есть по-прежнему существует — как со стороны государства, так и со стороны общества — идея: «мы вас спасли», «мы вас развили», «мы принесли вам цивилизацию, и вы должны быть благодарны». Такая «имперская невинность» позволяет выдвигать определенные требования: «Поскольку мы стали мучениками, пожертвовали собой ради вашего развития, вы должны быть благодарны и лояльны нам».

Таким образом, имперская невинность предполагает и представляет собой акт требования лояльности.

Эта идея о том, что русская нация — это нация, жертвующая собой ради остальных, позволяет выстраивать всевозможные представления в отношении западных стран: российское общество, российские люди жертвуют собой в борьбе против деградирующих западных ценностей ЛГБТК или того, что они называли бы фашизмом, и так далее. Идея состоит в том, что «мы невиновны, а то, что мы делаем, является принесением себя в жертву ради спасения остального мира, ради спасения других». Это позволяет предъявлять различные требования к различным обществам, а конкретно для Центральной Азии это означает требования лояльности.

Азаттык Азия: По вашему мнению, центральноазиатские нации по-прежнему принимают эту идею имперской невинности, или война в Украине изменила отношение людей к этому?

Ботакоз Касымбекова: Центральная Азия очень разнообразна, и у нее был очень разный опыт, в том числе в советское время. Но важнее советского времени постсоветский период, который является постколониальным.

Общества Центральной Азии столкнулись с серьезными экономическими проблемами после распада Советского Союза. Это характерно для всех постколониальных государств, когда вас используют как ресурс. Например, Узбекистану в советское время активно не позволяли проводить индустриализацию, несмотря на то что узбекские руководители постоянно

просили Москву об индустриализации, и им всегда препятствовали. По сути, им запрещали развиваться.

Из-за этой колониальной политики, ее политической природы этим обществам не позволяли политически развиваться, любые признаки суверенитета подавлялись, когда в Москве происходили перестройка и гласность.

Поэтому эти общества не могли развиваться, их гражданские общества не могли созреть. В результате мы имеем авторитаризм как постколониальное состояние, что характерно для очень многих постколониальных обществ по всему миру.

Поэтому, я думаю, мы имеем разнообразный ландшафт того, как люди думают. Многое зависит от уровня образования людей, от того, насколько много они читают, насколько хорошо знают прошлое.

Разумеется, в этих странах есть гражданские общества, есть лидеры, которые очень критически относятся к российскому колониализму, российскому империализму и советскому периоду, особенно молодое поколение, которое более уверенно в себе, которое имеет доступ к социальным сетям, где циркулирует информация.

Разумеется, существуют попытки подавить это. Москва пыталась подавить это в Украине и Беларуси и в других странах и сохранить монополию на то, что знают люди. Но в гражданских обществах Центральной Азии существуют очень сильные голоса. Некоторые появляются, некоторые развиваются и крепнут.

И у нас действительно повсюду, в разных частях Центральной Азии, есть люди, которые слушают российскую пропаганду, российское телевидение и верят этому.

Но в целом в Центральной Азии возникает «**деколониальный поворот**» , и, я думаю, теперь гораздо труднее, чем раньше, просто прийти и делать какие-то заявления.

Я думаю, мы увидели очень сильную реакцию на войну, на полномасштабное вторжение в Украину в Центральной Азии, особенно в Казахстане, который также имеет общую границу и может идентифицировать себя с украинцами. Я думаю, это была очень открытая реакция против российского колониализма.

| Осторожность, обусловленная зависимостью

Азаттык Азия: Так как именно вы бы определили отношение Центральной Азии к войне в Украине — вы, очевидно, уже затронули эту тему, — но считаете ли вы, что

жители Центральной Азии воспринимают войну в Украине скорее как вторжение, или они своего рода образом возвращаются к этой идее имперской невинности?

Ботакоз Касымбекова: Я думаю, существуют обе точки зрения. Они сосуществуют и зависят даже от возраста.

Молодое поколение в большей степени воспринимает это как вторжение, тогда как среди части старшего поколения больше присутствует идея имперской невинности, того, что Россия защищает себя.

Доступ к информации и языковые способности играют огромную роль. Те, кто знает только русский язык, будут больше подвержены российской пропаганде, потому что они будут смотреть российское телевидение.

Существует разрыв между поколениями, но здесь я говорю в основном о Казахстане. Думаю, что в Кыргызстане и Узбекистане политически острое вовлечение в эту тему выражено слабее просто потому, что, во-первых, в мышлении присутствует сильный миграционный компонент, поскольку люди по-прежнему ездят в Россию, и поэтому они нарративно к этому адаптируются, но также и потому, что другие страны не имеют общей границы.

В Кыргызстане среди представителей гражданского общества совершенно ясно, что это вторжение. Люди понимают это, потому что у Кыргызстана долгая история демократического развития, и поэтому они понимают, что их достижения в демократическом развитии, то, за что они боролись, как грузины, как украинцы, как белорусы, — они, разумеется, понимают, что Россия не воспринимает это позитивно.

Азаттык Азия: И как, по вашему мнению, страны Центральной Азии могут сочетать деколонизацию с сохранением тех экономических и политических отношений с Россией, которые у них существуют?

Ботакоз Касымбекова: Как я уже говорила, это проблематичное постколониальное состояние, в котором приходится находиться, и геополитическое положение Центральной Азии, к сожалению, таково.

Если бы, например, Казахстан имел общую границу с Европейским союзом, как Беларусь, история была бы совершенно иной, вероятно, он действовал бы более проактивно или существовала бы возможность своего рода более стабильного и более безопасного будущего.

Но этого нет. Существуют эти геополитические реалии, и именно поэтому некоторые государства Центральной Азии просто пытаются понять, как развиваться, как выживать. Это определяет своего рода очень осторожные отношения с Россией, и эта осторожность обусловлена не тем, что думают люди и как они хотели бы действовать, а экономическими зависимостями, которые были сформированы долгой историей российского колониализма.

This item is part of

[Казахстан](#)

[Центральная Азия](#)

[Темы дня](#)

[Россия](#)

[Кыргызстан](#)

[Таджикистан](#)

[Узбекистан](#)

[Туркменистан](#)

[Деколониальный поворот](#)